

346 ДВА СПЕКТАКЛЯ

В ГОСУДАРСТВЕННОМ
ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ

На протяжении полутора месяцев Московский государственный еврейский театр показал два новых спектакля. Как ни разны они по стилю и содержанию, их сближает общая идея — резкая направленность против гнета религиозной догмы, против мертвящей средневековой схоластики, попытка утвердить мысль и чувство, гордые и независимые в своих держаниях, искренние и непосредственные в своих проявлениях.

Соломон Маймон — реальная историческая фигура (1753—1800 гг.). Детство и юность его протекали в фанатической среде, где жестоко преследовалась всякая «ересь». Потребовались преодоление суровых препятствий, разрыв с любимой семьей, не пожелавшей разделить его судьбу, для того, чтобы из провинциальной глуши пробраться в Берлин, где проживал философ Моисей Мендельсон, ставший учителем и наставником Маймона.

Эти события и легли в основу пьесы недавно скончавшегося драматурга Даниэля.

Пужно сказать прямо — на этот раз талантливому писателю постигла неудача. «Соломон Маймон» — пьеса рационалистическая, даже реперская, она похожа на инсценированную дискуссию, где в изобилии споров и рассуждений тонет зерно драматического конфликта, памятного в первой картине. Исторически образ героя не верен (автор явно сообщает ему черты несвойственной Маймону революционной идеологии), художественно не убедителен. Перед нами, в сущности, пеникий искатель абстрактной истины, истины

«вообще», и если еще можно полять, против чего борется Маймон, то трудно определить, за что, во имя чего он делает это. Туманными поэтому остаются часто мотивы его поступков, например, разрыва с Мендельсоном.

Еще бледнее остальные персонажи пьесы. Многие из них носят имена людей, действительно живших в эпоху Маймона, соприкасавшихся с ним в той или иной степени. Но эти имена можно было бы с успехом заменить вымышленными и фулкиции одного персонажа передать другому, — от этого решительно ничего не изменилось бы.

Вот почему спектакль оставляет чувство неудовлетворенности. Дела не спасает и то, что постановщик С. Михоэлс проявил много изобретательности и вкуса и что центральную роль исполняет такой прекрасный актер, как Зускин: им не удалось заполнить «пустоты» пьесы, вдохнуть в нее жизнь и сделать ее основой для создания спектакля большой философской мысли, большого эмоционального воздействия.

Другие задачи выдвигала перед театром постановка пьесы «Два Купилемла», осуществленная в связи со столетием рождения основоположника современного еврейского театра Гольдфадепа. В этом водевиле, как и во многих других произведениях Гольдфадепа, едко высмеивающих еврейских толстосумов и синагогальную клику, очень силен элемент морализирования, дидактики, психология персонажей обрисована несколько упрощенно,

а сюжет развивается слишком прямолинейно, как говорится, «в лоб».

Театр снял многие из этих недостатков путем некоторых очень удачных изменений в пьесе (литературная редакция З. Окупя) и, главное, путем усиления ее иронически-пародийного звучания, путем максимального выявления тех особенностей народного фольклора, которые так щедро и так находчиво использовал в своем творчестве Гольдфадеп.

Спектакль получился исключительно веселый, жизнерадостный, красочный (постановщик Н. Кролл). Особенно увлекательно сделана сцена карнавала в честь осеннего праздника — здесь много сочного, подлинно пародийного юмора, часто переходящего в злую сатиру на сытых «благотетелей», на лицемерных ханжей из еврейской религиозной общины.

Больше всего радует в спектакле то, что в нем запята преимущественно молодежь, показавшая, что у Госета есть хорошая смена, над которой стоит и должно работать, которую следует чаще занимать в спектаклях. Заслуживает больших похвал исполнение В. Крейчманом очень трудной роли первого Купилемла. Имя это давно стало в пародии нарицательным, стало синонимом глупости, идиотизма, и легко было молодому актеру впасть здесь в шарж, соблазнительно желанием сыграть отвлекательную идею, а не живой образ. К счастью, этого не случилось. Крейчман на редкость естественно, непринужденно, искренно играет своего героя, находя для него чрезвычайно убедительные, характерные движения и интонации и вызывая все время веселые взрывы смеха в зрительном зале.

Мягко и обаятельно проводит молодая

артистка С. Бинник роль Хань, девушка, не желающей соединить свою судьбу с человеком, которого прочит ей в мужа ее фанатически религиозный отец. Забавно играет М. Шапиро «двойника» Купилемла — студента Макса, прибегающего к маскировке для того, чтобы устранить препятствия, мешающие его браку с любимой девушкой. Отпущения Макса и Хань составляют лирическую линию спектакля. Следует отметить, что она удалась постановщику значительно меньше, чем линия непосредственно комедийная. В частности, следовало бы переработать в этом отношении первый акт, слишком перегруженный лирическими сценами и идущий, вследствие этого, в сильно замедленном темпе.

Из исполнителей, занятых в премьере, обращают на себя внимание в эпизодических ролях водовоза Лейбы и шута артисты З. Мейман и Е. Жаботинский. Немного тяжеловесен Т. Хазан в роли отца Хань и очень уж стереотипен Г. Луковский — сват: он мало чем отличается от великого множества других сватов, уже виденных нами на сцене еврейского театра.

Превосходно поставила Е. Мепес народные танцы. Львиная доля успеха спектакля принадлежит бессменному композитору и дирижеру театра Л. Пульверу. Его музыка в «Двух Купилемла» — образец подлинного проникновения в еврейский музыкальный фольклор, его творчество освоения и органического подчинения задачам, связанным с воплощением на сцене образов гольдфадеповской драматургии.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.